

О л е с я Т р е г у б о в а

ТАТАРКА

Олеся Трегубова

Татарка

«Автор»

2026

Трегубова О.

Татарка / О. Трегубова — «Автор», 2026

Уважаемый читатель! Этот роман — своего рода исследование советского околовоенного периода через призму простой татарской семьи. Произведение основано на реальных событиях судеб моих предков. Здесь личная драма героев служит отражением масштабных социальных потрясений эпохи. Их опыт демонстрирует, как глобальные исторические силы меняют уклад жизни обычных людей и их традиции, заставляя человека искать новую идентичность и свою роль в мире.

© Трегубова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	15
Глава 6	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Олеся Трегубова

Татарка

Глава 1

Июль 1939 год. Башкирская АССР. Октябрьский Соцгород, деревня Муллино.

— Муслима, подумай ещё раз... Яратканым* (татарский: любимая моя)... — молодой мужчина говорил почти шёпотом, — Я вижу, тебе сложно так. Мы не можем завести ребенка. Уже год, как ты моя жена, минем хатыным* (моя жена)...

Он не успел договорить, да и понял, что зря сказал последнее. Муслима заплакала и опустила на стул. Худенькая, как былинка, с длинными черными тугими косами, перевязанными алыми лентами. Она закрывала лицо ладонями, пытаясь не давать волю чувствам. Но слезы предательски лились как из тучи.

— Жаным* (душа моя) — прошептал мужчина. Затем, сделав шаг, опустился на пол рядом с женой. Он обнял её за талию и поцеловал мокрые от слез ладони. Муслима почувствовала, как новая волна слез подкатывает к горлу. Уже не в силах сдерживаться, она зарыдала в голос.

С противоположной стороны маленькой комнатёнки заколыхалась плотная ткань, закрывающая проход в общую комнату.

— Ну что там у вас происходит?! Чего не поделили опять? — раздался хриплый голос старика. Он несмело отодвинул занавеску и вошёл в комнату, — Минша, почему ты так нежничаете с ней? Ты мужчина! Как сказал, так и будет, без разговоров!

— Эти!* (Отец!) — хотел выкрикнуть Минша, но привыкший шептать голос или волнение перед отцом не дали произнести слова громко.

Муслима зажмурилась, сжала руку мужа, пытаясь перевести его внимание на себя. Она тихо и мягко сказала:

— Минша, не перечь отцу. Он прав.

Потоптавшись на месте, старик пробурчал:

— То-то, — и вышел из комнаты.

Спустя несколько минут, переведя дыхание, Минша сказал:

— Поэтому я и хочу уехать.

Вздыхнув, он склонился над женой, погладил её по волосам, слегка привлекая к себе, поцеловал мягко в лоб, — ложись спать, жаным* (душа моя).

— Хорошо, а ты куда?

— Я пойду на улицу.

Выйдя во двор, Минша увидел отца, закрывающего курятник на ночь.

— Ну чего ты стоишь там, иди помоги мне! — позвал отец.

Минша молча подошёл и стал загонять непослушных птиц в хлев. Они недовольно кудахтали, упирались и смотрели такими глупыми глазами на Миншу, как будто впервые его видят, что он расхохотался.

Отец посмотрел на него хмуро, с любопытством, но поняв причину, тоже рассмеялся.

Управившись, мужчины сели у крыльца. Солнце почти зашло, едва подсвечивая последними лучами багряно-фиолетовое небо. От реки Ик издали доносились крики птиц, а сверчки и лягушки им поддакивали, создавая единый странный оркестр звуков.

День отдавал дань ночи, прогретый летний воздух медленно сменялся долгожданной вечерней прохладой.

— Улым* (сын мой) — начал было отец, но слова никак не собирались в предложения, видно было, как сложно этому пожилому человеку начать разговор с сыном, — Улым, как бы я не хотел признавать, но твоя жена...— снова замялся отец, — Она, Муслима, права. Зачем вам ехать в такую даль? Не хотите жить со мной, давай построим тебе дом рядом. У нас нашли нефть, говорят, будут вести разработку. Работы много. Попросишься к ним, будешь там трудиться. Научишься.

— Эти* (Отец), я уже был там — Минша махнул рукой и посмотрел угрюмо на закат. — Мне пришло письмо от Закира, он уехал на Дальний Восток пол года назад. Пишет, что доволен, платят хорошо, поселили в общежитие, сказали отработать ещё год, а там своё жильё дадут. Он море видел. Жену свою правда пока тут оставил, у них двое маленьких, но позже, когда жилплощадь получит, заберёт их.

— Ну как же вы поедете? Пол Союза надо проехать...— с тревогой заговорил отец, — Ещё совсем молодые: тебе 23, Муслиме и того всего 20. Погубишь молодую жену.

— Мы поездом отправимся. Тем, кто хочет поехать, помогают добраться. Городок называется Спасск. Там построили цементный завод, а рабочих рук не хватает.

— Ладно, — вздохнул отец, зная, какой его сын упрямый, — Ладно, поговорим ещё, пошли в дом, пора спать.

Войдя в комнату, Минша постоял немного, пока глаза привыкли к полумраку. Он сел на край кровати тихонько, чтоб не разбудить жену.

Лунный свет из окна слегка освещал часть комнаты.

Молодой мужчина любовался своей Муслимой. Перед сном она всегда распускала косы, и черные длинные локоны разливались по подушке нежным шёлком. А её кожа наоборот была очень светла, при лунном свете она будто сияла.

— Муслима, жаным* (душа моя), мин сине яратам* (я тебя люблю) — прошептал Минша. Он осторожно погладил её руку. Лёг рядом.

Засыпая, он услышал отголоски вечерней молитвы отца.

Глава 2

Минша и Муслима с рождения жили в Муллино, поэтому были знакомы с детства. Оба из простых татарских семей.

Муслиму, по настоянию родителей, должны были отдать замуж за другого. Но свадьбе не суждено было состояться. Минша, не получивший одобрения семьи своей любимой, просто украл её. А спустя пару дней молодые пришли в дом родителей за благословением, и тем ничего больше не оставалось, как признать их союз.

Отпраздновав нехитрое торжество, молодожёны поселились в небольшом доме отца Минши.

Они были счастливы, что наконец-то вместе. Каждые мгновения, касания кожи, эмоции, ощущения пронизывали их тоненькими, невидимыми нитями любви.

Вспыльчивый, упрямый Минша был мягок и спокоен со своей Муслимой. Для него она как весна, как первые цветы...хрупкая, тихая, нежная...

Влюбленные мечтали о большом доме и большой семье, о детях. Но шло время, а долгожданная беременность все никак не наступала. Делить маленький дом с пожилым отцом стало труднее. Муслима все чаще грустила, для её мужа было невыносимо видеть слёзы любимой.

Сентябрь. 1939 год.

— Эни* (мама), здравствуй! — заходя в дом, поздоровалась Муслима.

В просторной кухне проворно кружилась пышная невысокая женщина. Она готовила ужин. На ней было яркое бордовое домашнее платье, темно-зеленый передник и такой же платок на голове.

— Здравствуй, Муслима, заходи скорее, — она обняла и поцеловала дочь в лоб. — Давай, надень фартук, поможешь мне.

Женщину звали Тансылу, она всегда была приветлива и энергична.

— Сейчас придут твои сестры, надо успеть приготовить. — говорила быстро Тансылу, — Там тесто и начинка на кыстыбый, посмотри, вон, за печью! — командовала она. — Да-да, бери, ставь сюда, давай, сделай и отправим запекаться!

Муслима охотно принялась за работу.

— Я пришла кое-что тебе рассказать, — заговорила Муслима, растягивая тесто в лепешку.

— Я уже поняла это, ты такая задумчивая, давай, милая, поделись со мной.

— Мама, мы скоро уезжаем с Миншей в другой город.

Тансылу перестала нарезать овощи и с тревогой посмотрела на дочь.

— Кызым* (доченька), ты помнишь, что я говорила? Ты можешь очень сильно пожалеть, если вы уедете. Я чувствую, что ты вернёшься назад потом, но уже без мужа.

— Да...но он так хочет поехать, постоянно про это говорит, что мы будем счастливы там, думает, что Дальний Восток дарует нам ребенка, — печально улыбнулась Муслима, — Все уже готово, он отправлял запрос туда. Нас ждут. Дадут семейную комнату.

— Хм, ну а что его отец? Что Саях говорит?

— Он ворчит, не хочет его отпускать конечно, но Минша уже всё решил, а если так, то его не переубедить.

Тансылу только вздохнула в ответ. Её собственный муж так же не слушал её наставлений, советов, ругался, что ему лучше знать, он - глава семьи. Вот уже пол года, как он погиб. И только Тансылу знает: послушай он её тогда, остался бы жив. А теперь и судьба её дочери вызывает опасения.

Когда женщины всё приготовили и почти накрыли на стол, в дверях показались сёстры Муслимы. Три девушки, одна за другой, зашли в дом, поздоровались, помогли с посудой и вот

уже все расположились за столом. Сёстры были младше Муслимы и похожи на мать, такие же пышнотелые и приветливые.

Женщины давно не собирались вместе, соскучившись, они говорили на перебой, рассказывали истории, но и с грустью вспоминали покойного отца.

Пожинав и вдоволь наговорившись, Муслима собиралась уходить домой.

— Кызым* (доченька), постой, — позвала Тансылу. Подойдя к дочери, она взяла её за руку, — Дорогая моя, возьми это с собой в дорогу. — она вложила в ладонь Муслимы маленький холщовый мешочек.

— Что там, мама?

— Нет-нет, не открывай сейчас! Развернешь в поезде. Это поможет вам доехать без происшествий.

Поцеловав дочь на прощание, мать отерла тыльной стороной ладони выступившие слезы.

— Пойдём, я провожу тебя.

Дойдя до ворот, мать и дочь обнялись, постояли немного молча, и Муслима пошла в дом своего мужа. Тансылу же осталась стоять, она провожала взглядом свою девочку. Мать уже знала, что скоро её дочери предстоит пережить много потрясений.

А она — Тансылу, опять ничего не может с этим поделать...

Глава 3

Октябрь 1939 год.

Три дня назад молодая семейная пара со скромными пожитками села в поезд в Уфе.

Их провожали...

Тансылу, не сдерживая слёз, приглаживала платок на голове дочери, давала наставления ей и Минше. От волнения тут же ругала, ведь по его решению они едут так далеко от родной земли.

Старый Саях хмурился и почти ничего не говорил. Только изредка бурчал что-то себе под нос, переминаясь с ноги на ногу и опираясь на палочку. Но когда раздался голос проводника о посадке, Саях, как молодой, кинулся к сыну, не желая отпускать его. Впервые со смерти матери Минша увидел слезы на глазах отца. В сердце стало так тоскливо, но всё уже решено и отступить нельзя.

Всё время муж и жена ехали почти не разговаривая. Мимо стремительно сменялись населенные пункты, города, деревеньки. Осенняя природа и погода завораживали и одновременно пугали своей неизвестностью вдаль от дома.

Пассажирский состав во главе с грозным паровозом увозил их все дальше от привычных мест. Каждый паровозный гудок отзывался серой тоской в сердцах семейной пары. Он означал глобальные перемены в их жизнях, а к лучшему ли они, или к худшему, никто из них не знал, поэтому оба молчали, лишь изредка посматривая друг на друга с лёгкой подбадривающей улыбкой.

Поезд остановился на очередной станции. Сколько уже их было, Муслима и считать перестала. Люди засуетились по вагону, все торопились наконец выйти на улицу.

— Поезд будет стоять 35 минут. Проводник сказал, что у вокзала можно купить что-нибудь поесть. — засобирался Минша, — Пойдём со мной, но надень пальто.

Выйдя на перрон, они были удивлены: повсюду лежал снег... свежий, первый... Наверно он выпал только утром.

С крыши небольшого деревянного здания вокзала лихо, как на санках, скатывались подтаявшие комочки снега и тут же шлепались в образовавшиеся внизу лужицы. В этих лужах барахтались упрямые воробышки, мокрый снег с крыши метко падал им на головы, но они не улетали, а только отряхивались и, нахохлившись, продолжали свои "важные" дела.

Муслима, наблюдая это воробышье действо, невольно подумала: «Такие же упрямые, как Минша».

— Какой это город? — спросила Муслима, поворачиваясь к мужу.

— Красноярск! — жуя только что купленный пирожок заговорил Минша, затем протянул ещё один жене, — Съешь, это вкусно. Я купил ещё, возьмём с собой в дорогу. — Красноярск — это Сибирь! Тут холоднее, чем у нас, вот и снег уже выпал.

Рассказ Минши прервал проводник, он оповещал людей о скорой отправке, поэтому все заторопились вернуться в вагоны на свои места. Через 15 минут, когда все пассажиры уже были в поезде, паровоз протяжно загудел и начал движение. Тяжело ухая и стуча металлическими парами, он потащил за собой пассажирский состав, оставляя позади станцию Красноярск.

От чего-то стало как будто легче.

То ли, ставшее уже привычным, монотонное покачивание и постукивание поезда, а может первый снег и морозец сибирского города потихоньку делали свое дело.

Сердца молодой пары "отогревались", они вспомнили, что влюблены. И везут они свою любовь через всю страну по железной дороге к побережью Тихого океана.

Главное, что вместе! Главное — навсегда!

Муслима вспомнила о мамином тайном подарке. Тансылу наказывала открыть его в поезде. Поспешно развязав тесёмки холщового мешочка, тонкие пальцы девушки обнаружили внутри что-то небольшое и твердое.

«Камень!» — подумала Муслима.

И догадка оказалась верной. Она достала маленький необработанный агат. Он был сиреневого цвета с молочными переливами и едва различимыми красными прожилками.

Мама верила в магические свойства камней и рассказывала о них. Агат помогает путнику в дороге.

Муслима мысленно поблагодарила мать, прижав к груди её путеводный дар. Она почувствовала, будто тепло родного дома от этого камня разливается по её телу. Стало так спокойно, тихо. Муслима обняла любимого и впервые за все дни поездки уснула крепким, здоровым сном.

Глава 4

По прошествии ещё 6 дней Минша и Муслима сошли с поезда на станции Евгеньевка города Спасска-Дальнего.

За время поездки они познакомились с семейной парой: Тимофеем и Верой; а так же с совсем юной 18-летней Ириной. Новые знакомые тоже ехали в Спасск работать. Общая цель и молодость быстро сдружили путников ещё в поезде.

— Давайте зайдём на вокзал, девчата пойдут в буфет, а мы с тобой разузнаем, как добраться до завода, — предложил Тимофей, обращаясь к Минше.

— Хорошо, но сначала доведём их до самого буфета, — ответил Минша, осматриваясь по сторонам.

Муслима держалась за руку мужа и нервно крутила пуговку на своём пальто, прислушиваясь к разговору мужчин.

Тимофей вопросительно посмотрел на Миншу, перевёл взгляд на растерянную Муслиму:

— Ааа, я никак не привыкну к вашим... — замялся он, подбирая слова, — К вашим... татарским нравам.

Он странно хихикнул, пытаясь замять свою глупую шутку. Но вышло всё как-то бестолково, компания стояла с натянутыми улыбками.

— Я думаю, Минша прав, — нарушила неловкую паузу Вера, — Найдём буфет, а потом идите в справочное окно и всё узнайте. А то мы девочки бываем такими рассеянными, потеряемся ещё. — улыбнулась она, глядя на Муслиму, — Тима, ты просто ничего не понял.

Выяснив план действий, ребята спустились с перрона и по тропинке, друг за другом, пошли к зданию вокзала.

— Э-эй, товарищи! Молодые люди, вы куда это собрались? — прокричал неизвестный мужчина, догоняя компанию, — Погодите-ка!

Ребята обернулись. К ним на встречу быстрым шагом, почти бегом, приближался человек. Невысокий мужчина лет 50-ти был одет в железнодорожный однобортный китель из тёмно-синего сукна. В руках у него был журнал.

Поровнявшись с компанией, мужчина снял фуражку, протёр лоб и заговорил:

— Вы с поезда тут? Почему не отметились? У нас здесь строго, граница почти! — он пытался казаться сердитым, хмурился, но его круглое лицо с ямочками на щеках вызывало обратную реакцию.

Затем мужчина представился работником станции и, раскрыв свой журнальчик, потребовал назваться всем пофамильно. Когда он сверился со своим списком прибывших пассажиров, он скомандовал идти за ним.

Погода для конца октября стояла непривычно тёплая. Небо хмурилось, накрапывал дождь, но снега не было.

Воздух пах странно. Запах не был неприятным, скорее просто какой-то чужой, непонятный.

С начала сильно пахло креозотом, которым пропитаны шпалы. Но по мере отдаления от перрона, обострённое обоняние ловило что-то ещё: мокрая земля, трава, какая-то еда, дым. Всё смешивалось и бесцеремонно вдыхалось путниками.

Муслима поймала себя на мысли, что ей не страшно, не грустно, наоборот: все вокруг привлекало внимание. Хотелось поскорее познакомиться с этим городом.

Мужчина с журнальчиком отвёл компанию новоприбывших в здание вокзала. Он же им и рассказал, отчего такая дотошность с пассажирами и отчётность по документам. Уже третий год собирают и выдворяют со всего Дальнего Востока и Приморья всех китайцев, корейцев,

японцев. С 37-ого года по решению Политбюро начались массовые репрессивные операции против некоторых "неблагонадежных" азиатских этнических групп.

— Вот их всех и попёрли кого куда. Вы думаете, почему вас так охотливо зазывают на цемзавод? — ухмыляясь спросил мужчина. — Так эти китайцы там и трудились, а потом, когда их разогнали, работать то некому стало. Вообще-то они неплохие вроде, трудолюбивые. С одним я даже знаком был, правда почти не понимал, что он болтает, говорил по-нашему он плохо, ещё и тараторил быстро, не поспеть. Но потешный такой, глаза добрые. Как его зовут, я так и не понял, Колей его величал, по произношению было похоже, он соглашался.

После своего рассказа мужчина объяснил, как добраться до Цементного завода. Затем показал путникам буфет и ушёл по своим делам.

— Ну вот что, давайте-ка, товарищи, отобедаем поскорее и пойдём устраиваться, — заговорил Тимофей, — А то ведь нам и вещи пока негде оставить. До вечера надо успеть разместиться.

Все были конечно согласны с ним, да и проголодались уже с поезда, поэтому молча и быстро ели.

Через полтора часа компания молодых людей с вещами и сумками на городском автобусе приехала к территории завода. С первых минут производство показало свою активную жизнь. Везде сновали люди в спецодежде, ездили грузовые рабочие машины, бетономешалки. Поодаль возвышались здоровенные дымящие трубы.

Работа кипела!

Муслима и Минша оторвались от основной группы, встретив своего давнего друга и земляка Закира.

— Исенме, дустым!* (Здравствуй, друг мой) — радостно прокричал Закир, подходя ближе, — Я вас уже дня три поджидаю.

— Исенме, Закир!

Мужчины пожали руки и обнялись!

Муслима кротко поздоровалась тоже.

Пообщавшись немного, Закир предложил друзьям отвезти их в отдел кадров.

Там их быстро приняли.

Женщина-кадровик, Клавдия Семёновна, лет 45-ти с высокой причёской хлопотала над их документами. Она задавала поочерёдно вопросы то Минше, то Муслиме.

Придя к выводу, что никакого профобразования они не имеют, женщина вздохнула, поджав губы:

— Ну что ж, молодые люди, так как вы семейная пара, а у нас это приветствуется, мы можем предложить вам один цех. Но без специального образования вам придётся начинать с низов, так сказать: насыпщик цемента, рабочий по очистке пылевых камер, загрузчик шахтных печей, упаковщик. Работа физически сложная, пыльная. И если Вы, Минша Саяхович, справитесь, я уверена. А потом пойдёте через месяц-два учеником, тут же, при производстве, сможете выучиться на рабочего конвейера или транспортёра.

— Что же касается Вашей жены, — Клавдия Семёновна окинула взглядом Муслиму, — Уж не знаю, сумеет ли.

Минша уже хотел было возмутиться.

— Не обижайтесь, я ведь о чём хочу сказать, — помедлила она, подбирая слова, — Муслима Сабировна, Вы такая юная и очень... стройная... понимаете? У нас работают женщины - "кровь с молоком", ещё и некоторых мужиков за пояс заткнут!

— Аа, Вы про это?! — вмешался Минша, — Так она в цеху и не будет работать, я не позволю!

Женщина-кадровик вопросительно взглянула на Миншу.

— Вы правильно заметили, Муслима не осилит тяжёлую работу, и это не обсуждается! Для тяжёлого труда есть я! Возьмите её в заводскую столовую или к вам сюда куда-то, в кабинеты, обучите её, она в школе училась, грамотная.

— А Вы не многовато ли хотите, уважаемый?! Только явились сюда, уже права качаете?! — заговорила кадровик. Но, признаться, хоть она и была возмущена такой наглостью, её одновременно удивил этот смелый мужчина, да что там мужчина! Мальчишка ещё.

Он, не боясь последствий, так отчаянно отстаивал свою жену, свою любовь...

Обычно Клавдия Семёновна не терпела хамов и не церемонясь непременно выставила бы вон такого. Но просил то он не за себя, хоть и в таком настойчивом тоне. Речь шла о любимой женщине.

Минша же не унимался:

— А если у Вас никаких предложений нет, она работать не будет вовсе! А уж я сам тогда за двоих трудиться стану!

— Минша, жаным* (душа моя), — заговорила Муслима, — Давай я попробую, не зря же мы ехали сюда.

— Помолчи, Муслима! В цеху ты работать не будешь!

— Ладно уж, успокойтесь! Я вижу, так мы не договоримся, — поспешила потушить начинающуюся супружескую драму Клавдия Семёновна. — Я с начальством поговорю насчёт вас. Документы пока оставлю у себя. Рабочий, который вас привёл, покажет вам общежитие. Там, насколько мне известно, как раз освободились две семейные комнаты, вот одну из них и займете. Идите располагайтесь, отдыхайте, завтра я вас жду.

Общежития для работников завода были за его территорией, примерно в километре пути. Одноэтажные вытянутые деревянные строения. Внутри общие кухни и комнаты: мужские, женские и семейные. Рядом были и общие бани, в которых рабочие после смен могли попариться и освежиться.

Специалисты, трудившиеся на заводе уже давно, особенно супружеские пары с детьми, получали квартиры тут же в Спасске.

Так Цементный завод решал несколько задач: давал стране сырьё, населению рабочие места и стимулировал активное строительство жилья для новых приезжих сотрудников.

Минша и Муслима потихоньку устраивали свою жизнь в новом городе. Им дали неплохую комнату. Из её окна были видны небольшие сопки, на них росли красивые курчавые сосны. Ночью, если посмотреть на эти сосны, они казались какими-то жуткими великанами-истуканами, так оживляло воображение этот пейзаж.

Семейная пара так же дружила со своими попутчиками из поезда. Особенно Муслима была близка с Иришкой, их двоих через какое-то время после приезда определили на кухню. Оказалось, что Ирина, не смотря на юный возраст, окончила поварские курсы в своём родном городе. Ну а Муслиму взяли в столовую по многочисленным просьбам её упрямого, но ответственного и старательного супруга.

Минша трудился больше остальных. Как и говорила Клавдия Семёновна начал он с разнорабочего. Видя его усердие и живой ум, бригадир распорядился обучить его на машиниста транспортёра. Так Минша стал повышаться по карьерной лестнице. Многие товарищи его уважали за это, но были и те, кто за глаза завидовали и в шутку называли "Хитрым татаринном". А он и не обижался.

О своих успехах молодая семья писала письма родным в Башкирию. Их родители гордились детьми и очень скучали. Тансылу и Саях даже чаще стали общаться. Нередко она приносила ему приготовленный ею обед, угощала. В ответ Саях помогал по хозяйству: подправить забор, почистить снег. Соседи шушукались: неужто поженятся под старость лет.

А они видели друг в друге отдушину и понятную только им тоску по взрослым детям. Делясь своими переживаниями и нахваливая своих детей, становилось спокойнее на душе. Теплее.

Глава 5

Рабочие дни и недели летели быстро. Жизнь молодой семьи на новом месте наладилась и приобрела спокойный привычный ход. Осень быстро сменилась зимой, зима — весной.

Наступил дождливый и ветреный, но красивый май. Зацвели яркие рододендроны — символ дальневосточной весны. Розовые и сиреневые "ковры" превратили сопки и склоны в сказочный пейзаж.

Одни местные называют этот кустарник багульником, другие говорят, что это неверное название. Но какая разница, когда видишь эти пышные розовые облака цветов, остаётся только любоваться и вдыхать их еле уловимый тонкий аромат.

«Как же нежна природа, когда она только просыпается» — подумала Муслима, касаясь пальцем лепестка сиреневого бутона.

— Яратканым* (любимая моя), — обратился Минша к жене, улыбаясь, — Как только эти кустики зацвели, ты от них не отходишь. Когда получим жильё, обязательно посажу для тебя пару этих растений рядом, чтоб ты не убежала любоваться ими к сопкам.

Минша засмеялся, затем посмотрел на смущённую жену:

— Моя Муслима, ты прекраснее всех этих цветов! Мин сине яратам* (Я тебя люблю)!

Он страстно обхватил Муслиму за талию, привлекая к себе, и жарко поцеловал её в губы. О, как хороша весна во всех своих проявлениях!

— Ладно уж, пойдём! Давай, давай, а то увидят нас тут...такими, — забормотала разомлевшая Муслима.

— Какими такими? — хитро засмеялся Минша, — Нам можно, мы же муж и жена!

— Это верно, только вот не стоит нам свои чувства на показ выставлять. Нехорошо это и стыдно.

— Ничего не стыдно! Мы вот сейчас пойдём с тобой на рынок, — заговорил Минша, убирая под платок прядь волос с лица жены, — Я всем прохожим буду говорить, как сильно тебя люблю!

Муслима мягко улыбнулась в ответ, взяла мужа под руку, и они вместе направились в город.

К обеду ветер почти стих, серые тучи уплыли далеко за пределы города, обнажив чистое небо.

Муж и жена наслаждались погодой, неспешно прогуливаясь по торговым рядам рынка. Они уже купили кое-каких продуктов. Оставалось заглянуть к одному торговцу за рыбой, он сам ловил её и привозил на продажу раз в 2 недели в Спасск.

Очередь к нему собиралась немалая, всем хотелось ухватить хорошего, крупного сазана, кому-то нравились коньки с нежным, но костлявым мясом. И почти каждый любитель рыбы из лавки уходил с вяленным карасём или щучкой, не прихватить их на сдачу было не возможно, так нахваливал их рыбак своим покупателям.

Минша и Муслима купили немного рыбы на ужин и уже собирались уходить, но в предпоследнем павильоне, почти на выходе, продавали яркие платки. Муслима не смогла пройти мимо и заинтересовалась. Она разглядывала цветочные, витиеватые узоры лёгкой невесомой ткани и примеряла её на себя.

Минша обычно оставался в стороне, не мешая любимой рассматривать и выбирать наряды и всякие женские штучки.

«В таком деле спешка ни к чему» — так говорила ещё его мама. Минша запомнил и всегда придерживался мудрого совета.

Но в этот раз его самого кое-что привлекло: среди множества разнообразных тканей торчал уголок сиреневого платочка, цветом точь-в-точь как бутоны тех рододендронов на сопках

за общежитием. Когда Минша достал платок, оказалось, что на нём была ещё и тонкая вышивка изумрудной нитью, красота!

— Жаным, оставь это всё, я нашёл для тебя платок, тебе точно понравится!

Муслиме он пришёлся по душе. Цена оказалась немаленькой, но видя, как заблестели глаза жены, Минша без колебаний купил ей эту вещицу.

Вечером, после лёгкого ужина, семейная пара собиралась на танцы. Руководство завода по случаю досрочного выполнения плана устроило гуляния своим сотрудникам: в небольшом здании рабочего клуба объявили о выступлении музыкантов художественной самодеятельности.

В дверь постучали и, не дождавшись разрешения войти, в комнату ворвалась Ирина.

— Муслимка, вы уже собрались? Говорят, в клуб привезли новый патефон и пластинки. Может сегодня включат, — тараторила Ирина, — А ты одна, где Минша? А что это у тебя?

Муслима примеряла свой новый платок.

— Минша купил мне сегодня в городе, — задумчиво ответила Муслима. Она крутила край платка и никак не могла красиво его завязать, он всё время выбивался из узелка.

— Давай, я помогу тебе? Стой вот так, убери волосы! Так, отпускай. Смотри, держи теперь здесь пальцем, я буду завязывать. Подожди, держи крепче, Муслимка! — командовала Ирина, — Ну вот, кажется, очень даже ничего! — похвалила она свою работу.

На шее Муслимы красовался платок, а сбоку получилось что-то похожее на цветок.

— Да, очень нарядно! — рассматривая своё отражение в зеркале, сказала Муслима. — Ты уже собралась?

— Ага.

— Скоро вернётся Минша, соседи попросили его помочь починить что-то в комнате. И пойдём вместе в клуб.

— А ты всегда носила длинные волосы? Никогда не стригла?

Муслима улыбнулась, заплетая привычные косы:

— Всегда. Мой муж очень любит их. Когда спать ложимся, гладит, даже нюхает мои волосы, говорит, они пахнут весной и ветром.

— Оо... — смутилась Ирина, — Как это... необычно.

— Только ты не болтай про это, Иринка! Я тебе по секрету сказала, как подруге!

— Да нет, что ты! Я секреты умею хранить, не волнуйся. Ты знаешь, Муслимка, я тоже хочу волосы отращивать. Когда привозили кино, там почти у всех актрис волосы длинные, кудри красивые. Похоже, мода теперь такая, надо отращивать.

— Ладно тебе "мода", главное, чтоб самой нравилось и удобно было. Ну и муж чтоб одобрял.

— Ах...да я ведь и не замужем. Даже никому не нравлюсь, — задумалась Ирина.

— А тебе нравится кто-то?

— Да, к нам в столовую новенький парень стал заходить. Сашка, кажется, его зовут. Такой видный, светловолосый.

— Ну так может и ты ему нравишься, просто стесняется. Улыбайся ему чаще и обращай внимание, как он будет себя вести. Только открыто не пялься, украдкой смотри. Если будет смущаться, краснеть, но всё равно глядеть на тебя, точно ты ему не безразлична. Но первая знакомиться не спеши, пусть смелости сам набирается.

Ирина задумалась:

— А может он сегодня на танцы придёт?

— Вот и посмотришь там, а я, если что, помогу тебе, подскажу, — улыбнулась Муслима подруге.

— Спасибо, Муслима! — обрадовалась Ирина, — А что ты всё время эти косы плетёшь? Тем более с новым, красивым платком тебе надо современную причёску сделать, — она огля-

нуй по сторонам. — Давай наведём воду с сахаром, это для укладки. Эх, тебе бы бигуди или папильотки хотя бы, но это со вчерашнего вечера надо было. Ладно, садись на стул, сахарной воды хватит!

Муслима послушно села перед зеркалом, а Ира принялась ваять современность на голове своей подруги.

— Глядись, Муслимка! Тут спрячем, а с этой стороны пусть так останется. Вот! Готово! Посмотри, посмотри!

Прическа действительно оказалась красивой и очень шла своей обладательнице.

— Ого, Иринка! Я как будто даже старше выгляжу. Вроде как и не повариха, а из начальства кто.

Девушки рассмеялись.

— Ладно, я к себе, возьму пальто. Ты тоже переодевайся. И давайте пойдём, иначе всё мероприятие пропустим. Поторопи мужа.

Ирина поспешила в свою комнату, взволнованная предстоящим вечером.

В это время вернулся Минша.

— Минем хатыным* (моя жена), ты готова? — мужчина обратился к жене, снимая с себя свитер, — Поддай мне рубашку, а то уже опаздываем.

Муслима, переодевшись в своё праздничное платье, несмело подошла к мужу, держа рубашку в руках. Она сомневалась, одобрит ли он её внешний вид, причёску.

Минша поднял взгляд на жену, удивлённо повёл бровью и заговорил:

— Что это за чудесная незнакомка? Ах да, это же моя жена! Но какая же она сегодня необыкновенная!

Муслима облегчённо улыбнулась и спросила:

— Тебе правда нравится? Это Иринка заходила, по моде меня собирала.

Минша взял рубашку и одеваясь ответил:

— Да я вижу, что Иринка. И мне очень нравится. Но, жаным* (душа моя), другим мужчинам это тоже понравится. Это нехорошо! И потом, с такой причёской, как я понимаю, платок ты не наденешь?

Муслима опустила глаза, покраснела и ушла за тканевую занавеску, отделяющую хозяйственную часть комнаты.

— Я сейчас всё это уберу. — тихо заговорила она.

— Подожди, оставь! — мужчина подошёл к жене, обнял её за плечи. — Ты очень красивая, моя Муслима! От одной мысли, что кто-то на тебя посмотрит и подумает что-то недоброе, у меня зубы скрипят от злости! — последнюю фразу он произнёс особенно громко. Потом выдохнул, опустил руки, — Я ведь понимаю, в наше время всё меняется быстро, страна победившего социализма, комсомол опять же, какой тут платок. — усмехнулся Минша.

Потом немного подумав, добавил:

— Оставь, жаным! Тебе всё это очень идёт.

Муслима просияла и заговорила всё ещё несмело:

— Хорошо, платок на шее тоже можно оставить?

— Конечно, это же тот, который мы сегодня купили, в цвет тех кустиков, — он махнул рукой в сторону окна, — Пусть будет, я же вижу, как он тебе понравился.

Минша погладил жену по щеке и смеясь добавил:

— Ещё цветок какой-то из него накрутили, ну девчата — ну рукодельницы! Надевай пальто, жаным* (душа моя), пошли на танцы!

Минша, Муслима и Ирина успели как раз к началу мероприятия.

Со сцены, из под ловких пальцев аккордеониста, зазвучала уже знакомая мелодия. К ней добавился взволнованный, но красивый голос второго артиста. Он исполнял популярную песню Михаила Абрамовича Улицкого «Скажите, девушки, подружке вашей».

— Тра-та́, та-та́, та-та́! — подпевала Ира, — Пойдёмте вон туда сядем поближе, очень я люблю эту песню.

Компания прошла к сцене, усевшись на скамейку. Минша кивком поздоровался с товарищами из своей бригады, которые сидели рядом.

Зрительный зал маленького рабочего клуба быстро наполнился. Многие даже стояли, так как не хватило мест. Но все были довольны. Нечасто удавалось разбавить трудовые будни такими приятными, весёлыми концертами. Особенно весной, когда сама душа поёт и требует праздника.

После того как были отыграны все номера, установили долгожданный новенький патефон, привезенный совсем недавно из Москвы. К нему же прилагались и три свежие пластинки советских песен 35-ых годов.

С центра зрительного зала убрали скамейки и стулья, оставив их только по периметру так, что посередине получилась открытая танцплощадка.

Присутствующие затихли, услышав приветственный треск оживающей пластинки. Зазвучала мелодия. Через мгновение в центре зала уже кружились в танце первые смелые пары.

Минша не любил танцевать. Муслима всегда стеснялась. Но в этот вечер настроение было пуститься в пляс. Кокетливый ботиночек на ноге Муслимы отстукивал ритм. Она посмотрела на мужа, по взгляду он понял, чего желает его ненаглядная жена.

— Э-эх! — воскликнул Минша, потягивая вперёд руки как бы разминаясь, — Муслима Сабировна, разрешите пригласить Вас на танец!

Муслима засмеялась и одобрительно кивнула в ответ, протянув руки к мужу. Впервые со своей свадьбы они танцевали в окружении других людей, несмело и немного не так, как остальные, но они танцева для себя, как хочется.

Музыка кружила голову, искренний смех, улыбки, веселье. В этот вечер серьезные советские граждане, труженики завода были просто людьми. Мечтающим, влюблёнными, счастливыми. Они расслабились и танцевали, наслаждаясь этим моментом.

Пластинки сменяли друг друга. Уже знакомые и новые мелодии заставляли кружиться вновь и вновь. Муслима улыбалась, смотря в глаза мужу.

Безмятежность и вальс правили вечером.

Однако, кое-что заставило Миншу отвлечься от танца. Его слух напрягся, вырывая из общего шума обрывки фраз. Лицо стало серьёзным, он пытался понять, где источник мерзкого голоса.

— Гляди-ка, какая она штучка, эта татарка! — отпускал сальные шуточки Андрей, хихикая в компании своего приятеля. Они были из другой бригады и жили в городе, поэтому Минша их почти не знал.

— Муслима, вроде, её зовут. Повариха!

— Хех, точно! Повариха же! — поддакивал второй. — Она же всё время в платке ходила, только косички черные торчали. Вроде как принято у них платок носить.

— Так то просто прикрытием было, — Андрей "облапал" взглядом фигуру Муслимы, — Этой аппетитной натуре. Я бы попро...— фразы обрывались под отзвуками патефона.

Последние нахальные слова особенно разозлили Миншу. Глаза его налились гневом.

До слуха Муслимы так же долетели эти фразы, и она поняла, что неприятностей не миновать. Она с тревогой заметила, как за несколько секунд лицо её мужа озарилось яростью. Растерянная Муслима быстро осмотрелась по сторонам, чтобы знакомые мужчины, друзья не дали случиться драке. Она крепко держала Миншу за руку. Но разве удержишь сильного молодого мужчину, когда честь его женщины посмели оскорбить?!

Минша высвободил руку. Муслима попыталась что-то сказать, но суровый взгляд мужа заставил её замолчать. Развернувшись в сторону обидчиков, он крепко сжал кулаки. Толпа вокруг уже поняла, что назревает конфликт.

Те два дурака, что болтали и хихикали, тоже смекнули, чем дело пахнет и поспешили ретироваться. Проворно проходя через толпу, они уже приблизились к выходу, когда их догнал разозлённый Минша.

Один успел выскочить, а второй, Андрей, замешкался. Минша схватил его за шиворот, тот резко дёрнулся и оставил свой воротник в руках удивлённого преследователя.

— Тьфу, ты! Дурак трусливый! — бросив на пол "трофей", выругался Минша, — А ну стой, олух!

Тут подоспели товарищи Минши, о чём-то поговорили и вместе вышли на улицу.

Муслима стояла посреди зала. Тело её дрожало, по лицу и шее пошли красные пятна от волнения и стыда. В голове крутились слова: «Другим мужчинам это тоже понравится» и суровый взгляд мужа.

«Я сама виновата! И зачем я ослушалась, вырядилась!» — думала Муслима.

Ей казалось, что она голая среди людей. Хотелось отмыться от мерзких слов неприятеля.

— Муслимочка, дорогая, — заговорила Ирина, подходя к подруге, — Да ты вся дрожишь! Пойдём, я отведу тебя домой.

Ирина приобняла Муслиму за плечи, и они вместе пошли к выходу. На улице, подальше от посторонних глаз, молодая татарка расплакалась.

Стыд, унижение и обида на себя терзали её изнутри.

Они с мужем не были особенно религиозными. Советское общество не приветствовало религию. Старшее поколение лишь мягко наставляло детей.

Но традиции, в которых росла Муслима с рождения, молитвы, которые она слышала; сама суть женщины - татарки, её задачи: родить и воспитывать детей, вести быт, ходить с покрытой головой и во всём слушаться мужа, всё это постоянно сталкивалось с новой реальностью в голове Муслимы. Внутренний конфликт никогда не заканчивался. Где границы? Как вписать себя в этот мир? Иногда казалось, что они чужаки везде, вместе против всех... А сегодня и вовсе она против воли мужа.

Последняя мысль вызвала ещё бóльшую панику.

Муслима часто задыхалась, хватая воздух. Кожа горела.

— Где мой муж?! Вдруг ему навредили, побили... из-за меня!

— Да что ты такое говоришь?! Ты ни при чём! Эти недоумки вечно ко всем цепляются, а потом огребают. Минша не один, с ним ребята пошли. Ну дадут раз по морде этому Андрею, чтоб не болтал. Твой муж заступится за тебя! А я с тобой побуду пока.

— Муслима! — раздался голос издалека.

Муслима оглянулась. Левее здания клуба, из небольшого прилеска шёл Минша в компании троих своих друзей. Она побежала ему на встречу. Оказавшись рядом, муж и жена молча обнялись. Минша попрощался с друзьями. Ира поняла, что стбит оставить подругу наедине с мужем. и тоже пошла домой.

— Ну как ты? Испугалась наверно? — спросил Минша, всё ещё обнимая жену.

— Я только за тебя боялась... Прости меня... — снова заплакав, протянула Муслима.

— Ты чего?! Жаным* (душа моя), ты ни в чём не виновата!

Минша взял Муслиму за руки, они были холодны. Он поднёс её ладони к своим губам, согревая их теплым дыханием. Затем поцеловал кончики её пальцев и продолжил:

— Минем хатыным* (моя жена), — мужчина говорил спокойно и очень мягко, — Запомни, я буду защищать тебя и нашу семью всегда и везде, чего бы мне это не стоило. Никто не посмеет тебя обидеть, даже косо посмотреть в твою сторону я не позволю!

Пока я жив и дышу — я не позволю!

Муслима успокоилась. Снова обняла любимого.

— Уже холодно, жаным* (душа моя), пойдём домой?

— Пойдём...

Семейная пара не спеша побрела к общежитиям. Сумерки давно окутали землю. Только луна едва подсвечивала окрестности.

Через несколько дней к начальнику были вызваны участники драки: Минша и Андрей. А так же её свидетели: друзья с обеих сторон.

Под глазом Андрея красовался хороший синяк. Минша ни о чём не жалел.

Выслушав стороны, начальник, давно женатый мужчина, заявил, что на месте Минши поступил бы так же, и пригрозил Андрею кулаком. После он предложил мужчинам примирение, чтобы дальше не раздувать конфликт, и отправил их работать по своим цехам.

Каждый сделал свои выводы и вынес свой урок.

Глава 6

— Фахрутдинов! Спустишься оттуда, подойди ко мне, — прокричал бригадир своему подчиненному.

В цеху стоял будничный производственный шум, потому все его работники обращались друг к другу почти криком.

— Фахрутдинов, спускайся, я жду тебя на улице. Есть разговор.

Минша, услышав приказ бригадира, поспешил ему на встречу. Выйдя из цеха, он поприветствовал начальника, пожав ему руку:

— Здравствуй, Пётр Михалыч, звал?

— Доброго дня, Минша! Да. — ответил мужчина, поворачиваясь к собеседнику. — Ты же знаешь, что наш цемент возят во Владивосток? Сейчас он там особенно необходим, и не только он. Нужны квалифицированные ответственные специалисты и рабочие руки. Пришло распоряжение сверху, во Владивостоке усиливают береговую линию. Строят и укрепляют оборонные батареи.

— Так, а что же у них своих рабочих да строителей мало?

— Хватает конечно. Но нужен особый контроль за качеством сырья, укладкой. Весь процесс будут курировать их инженеры-технологи совместно с нашими. А ваша задача: сделать работу в срок, без огрехов, соблюдая технологию. Всё-таки важные объекты возводим, ответственность большая. Опыт нужен.

Минша задумался:

— Слушай, Пётр Михалыч, так это командировка получается. И сколько ж мы там пробудем?

— Пробудете, сколько скажут. Тут приказы не обсуждаются. С японской стороны угрозы ожидают, понимаешь? Город и всю зону прибрежную оборонять надо, — тут мужчина замолчал, явно ляпнув лишнего, — На собрании, там чего только не наговорили. Ну а я тебе, что знаю, и что ты должен знать, рассказал. Ты, Минша Саяхович, человек надёжный, ответственный, назначим тебя на объекте бригадиром. Из наших работяг набери себе команду 7-8 человек. Завтра с тебя спрошу. И если вас согласуют, таким составом и поедете.

От вороха новой информации мысли в голове Минши начали путаться.

— А жена то моя как тут одна будет? Ты хоть примерно скажи, какие сроки у нас?

— Да что ж ты заладил про жену опять? Никуда не денется твоя Муслима, не маленькая поди. С собой взять даже не проси! Нечего ей там делать. Тут она при деле в столовой. Там, в городе, на объект даже без специального допуска не заехать! — мужчина поднял указательный палец над головой, показывая важность сказанного, — Строго!.. ну а по срокам, хм, три – четыре недели берите в расчёт.

Минша только вздохнул в ответ. Июль, лето. Владивосток, море. Он так мечтал привезти Муслиму туда. На какой-нибудь красивый берег, к бескрайним могучим водам. А теперь поедет один.

«И что ж этим японцам не сидится у себя спокойно?!»

— Ты давай-ка не раскисай, важное дело делаем! Вас там никто держать долго не собирается. Дома то работа тоже имеется. Закончите и марш назад! — Пётр Михайлович похлопал одобрительно Миншу по плечу, улыбаясь. — И, послушай, о военных объектах не распространяйся, просто говори, что едете по работе, командировка! А то я тебе итак лишка болтнул. Всё! Я пошёл, у меня ещё дел уйма! Бывай!

Минша кивнул в ответ и вернулся обратно в цех.

Целый день он присматривался к товарищам, кого бы он взял с собой в поездку. На приёме у него были сразу 4 человека. Над остальными он размышлял. Задание конечно было важ-

ное. В душе он даже чувствовал некоторую гордость, что его хотят назначить бригадиром. Но это ощущение постоянно противодействовало с нежеланием оставить жену одну здесь, пусть и всего на месяц. В конечном итоге он решил отбросить эти мысли до вечера, непросто было работать, когда они навязчиво крутятся в голове.

Дома Минща сразу рассказал жене о командировке. Муслиме было сложно принять новость, даже ужинать перехотелось.

— Я всё равно не понимаю, почему тебя отправляют бригадиром? Конечно ты серьезно относишься к работе, но опыта ведь у тебя не так много.

— Я буду руководить небольшой группой только наших рабочих. С других цехов тоже поедут. Строить мы сами не будем, там есть свои люди для этого. Но подготовительный этап на нас. Может, если отлично себя проявлю, по возвращению оставят бригадиром. В нашем цехе стану начальствовать, — мечтательно произнёс Минща.

— Это всё очень хорошо. Но я так надолго без тебя никогда не оставалась. Страшно. У нас болтают, что война в Европе только разрастается, а тут ещё японцы почти за дверью стучатся. Боюсь я, жаным* (душа моя). За тебя, за нас боюсь. Хоть и газеты пишут, что всё не так плохо, якобы не пойдут к нам с войной. Да и на собраниях комсомола ведь пропагандируют не вдаваться в панику.

— Тихо, Муслима! Ты в этих сплетнях, гляди, не участвуй! Попадёшься. — мужчина обнял жену, — Не бойся, яратканым* (любимая моя), справимся, всё будет хорошо. Ты так же работай спокойно в столовой, у тебя Ирина тут рядом, поддерживайте друг друга. Я как доберусь, напишу тебе письмо. Когда получишь, сразу ответ отправляй.

— Ох, беспокойно мне...

Через два дня всех кандидатов согласовали и вызвали на беседу к начальнику в кабинет, хотя выглядело это мероприятие скорее как допрос. Кроме высшего руководства завода, присутствовали сотрудники НКВД. Они задавали много разных вопросов, просили отвечать быстро. Иногда казалось, что смысл разговора теряется вовсе. Время тянулось медленно. Давали подписать документы. Разглашать подробности беседы запрещалось. Семьям и знакомым допускалось сказать, что поездка – просто рабочая командировка. Люди выходили из кабинета с двойными ощущениями.

Город Владивосток летом 1940 года – прибрежная, стратегическая, приграничная зона с недружественным морским соседом Японией. От такого соседства вполне ожидалось нападения, диверсии и прочее, посему город особо охранялся, его всячески укрепляли, в частности со стороны моря. Правительство СССР, дабы сохранить спокойную атмосферу в обществе, в официальных источниках допускало очень дозированную и "облегченную" информацию. Люди лишь догадывались о настоящих событиях в мире. Среди простого населения ходили слухи, разные домыслы, которые сурово пресекались и наказывались соответствующими органами власти. Сам город не являлся закрытым, но отдельные его части – да, были недоступны обычным гражданам. Для их посещения, во избежание негативных последствий, выдавались специальные разрешения.

Разлука только усилит нашу любовь. Не печалься, работай спокойно. Я жду тебя дома, всё будет хорошо.

Мужчина в очередной раз перечитывал маленькую записку, сидя в поезде. Вагон к полудню разогрелся июльским солнцем так, что пассажиры, обливаясь потом, пересели на несолнечную сторону. Но и это не особо спасало. Оставалось только терпеть.

— Основную часть пути уже проехали, часа полтора-два осталось и прибудем, — заговорил попутчик, обращаясь к Минше. — Я заметил, Вы нервничаете, первый раз едете?

— О нет, что Вы? — Минща поспешно убрал записку в карман. — Я не нервничаю, но эта "сковородка" в виде вагона совсем уже раскалилась. Скорее просто устал от жары. А во Владивосток да, еду впервые.

— Тут я с Вами соглашусь. В этом поезде окна не открываются. Странно конечно, лето, а окна наглухо закупорены. — мужчина бросил взгляд на небольшую сумку Минши, — Рабочая поездка?

— Как Вы догадались?

Попутчик не отвечая, продолжил свои вопросы:

— Один едете? Какой у Вас род деятельности?

Минша задумался: «Отчего у этого мужчины столько вопросов. Подозрительный какой-то».

Собеседник, заметив эту неловкость, поспешил объясниться:

— Видите ли, в силу своей профессии я часто езжу поездом. Дорога обыкновенно бывает скучной и утомительной, поэтому я заимел привычку общаться с попутчиками. Помогает скоротать время и познакомиться с интересными людьми. Не обижайтесь, если я показался Вам бестактным. — улыбнувшись, мужчина протянул руку, — Сергей! Буду рад знакомству!

Минша, всё ещё с недоверием, пожал руку и представился в ответ.

Мужчина больше не приставал с расспросами, наоборот решил рассказать о себе. Как инженер-строитель он много где побывал, увидел разные уголки необъятного Союза: людей с их культурой и обычаями, архитектуру, природу. Видно было, что рассказывать Сергей любит и охотно делится своими историями. Минша слушал, кое-где поддерживал беседу, старался быть заинтересованным. Но вынужденная разлука с женой, настроения среди товарищей по бригаде после беседы с НКВД-шниками, слухи о войне, всё крутилось в голове, обостряя подозрительность к незнакомцам. Он периодически проваливался в свои мысли, пропуская речь Сергея, как фоновый шум.

Так и ехали. По прибытию новый знакомый пропал так же внезапно, как и появился, что только усиливало настороженность.

«Станный человек».

К вечеру Спасскую бригаду с Миншей во главе поселили в служебном бараке. Надо было быстро поесть и лечь спать, потому как следующий день обещал быть сложным. Работяги, в составе семи человек, уставшие с дороги, дружно захрапели. Только новоиспечённый бригадир никак не мог уснуть. Он размышлял, с чего они завтра начнут день, как построить распорядок рабочих будней, чтоб закончить объект досрочно. Не спалось. Минша взял блокнот, карандаш, старенькую керосиновую лампу – семилнейку и вышел на улицу. Солнце уже зашло, позволив сумеркам опуститься на город. Прохладный, влажный воздух неспешным ветерком тянулся от моря. Сделав несколько глубоких вдохов, мужчина размял пальцы, сел на низенькую скамейку у барака и принялся записывать план работы на предстоящие дни. Хорошие идеи приходили в голову, а затем и на бумагу. Много мыслей, Минша всё записал. Так пролетело около часа, лампа начала гаснуть, тело устало в неудобном положении. Мужчина, довольный своей умственной работой, вернулся в помещение и лёг спать.

Тем временем в уютной семейной комнатке в Спасске, погружившись в свои мысли, готовилась ко сну Муслима. Она уже легла на мягкую супружескую постель, по привычке на свою сторону у стены, расплела косы, обняла подушку мужа и загрустила: спать в одиночестве не хотелось. Конечно она думала о своём любимом. Ругала себя за слёзы, когда провожала его.

«Ведь не плакать надо, а гордиться мужем! Ему дали такую ответственную работу, повышение. Как же я люблю его, такой мне муж достался хороший отцом наверно он был бы замечательным»

Глаза снова наполнились слезами.

«Что же я за жена такая?! Уже люди шепчутся: "пустая"! За что мне это?!»

Молодая татарка опустила руки на свой живот, представляя беременность. Потом подняла ладони и, посмотрев вверх, произнесла: «О мой Господь, не оставляй меня бездетной, ведь Ты лучший из наследующих!»

Замерев на секунды в такой позе, Муслима услышала тихое постукивание по стеклу. Взглянув в окно, она увидела, что пошёл дождь.

«Доброе знамение: за дождём всегда приходит урожай!» — вспомнились слова мамы. Муслима улыбнулась и тихо сказала: «Тыныч йокы, Минша, жаным* (Спокойной ночи, Минша, душа моя)!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.